

Этот снимок Шукшина проявляли девять лет

Ромс. правда. — 1996. — 21 февр. — с. 4.

Впервые фотокорреспондент «Советского экрана» Игорь Гневашев получил задание запечатлеть режиссера Василия Шукшина в 1965 году, когда тот в родных Сростках снимал вторую свою картину «Ваш сын и брат». Несмотря на то, что первая — «Живет такой парень» — имела шумный успех и премии всесоюзного и Венецианского кинофестивалей, о Шукшина по-прежнему вытирали ноги каждый кинематографический чиновник — «корректировали» сценарий, урезали смету, запрещали снимать одних актеров и навязывали других и т. д., и т. п.

Препятствия Шукшин брал обычно в лоб. И расширял обычно лоб себе. Учили его брать их и в обход: нужных людей пригласить и в группу, и за стол, угощение поставить. От отчаяния Макарыч такие уроки принимал — и приглашал, и угощал кого надо. Но после третьей, как правило, рюмки не выдерживал — либо стол этот ломал, либо стул и уж точно посылал «кого надо» куда надо. Только портил он все своими несчастными «обходными маневрами».

Всем казалось, что во время срывов-запоев Шукшин себя совершенно не контролировал. Каково же было удивление Губенко, Буркова и других членов съемочной группы «Они сражались за Родину» — его последнего фильма, когда Шукшин сказал однажды вечером:

— А как интересно начинают вести себя люди, как они меняются, когда ты начинаешь пить!..

И последовал такой точный,

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА.

яркий, безжалостный «взгляд со стороны», что становилось совершенно непонятно — кто, собственно, пил, а кто наблюдал? Но это — забегая вперед...

А когда Гневашев с тяжелой аппаратурой, преодолев на пяти видах транспорта пол-России, добрался наконец до съемочной площадки в Сростках, там он Шукшина не увидел. И спросил:

— А где Василь Макарыч?

На него тут же зашикали и показали на человека рядом — с перекошенным, опухшим и почти черным лицом бомжа:

— Запил Василь Макарыч.

Сидим, вот, и ждем каждый день — будем снимать, не будем...

Фотокор прождал вместе со всеми еще один день, а на другой отбыл в редакцию, где написал объяснительную примерно такого содержания:

съемки закончились, режиссер уехал, задание выполнить не удалось. Любил он очень Василия Макаровича, хотя и не был с ним еще знаком.

Второй раз задание снять Шукшина на съемочной площадке Гневашев получил через шесть лет. Помня горький свой опыт, в Ялту, где проходила часть съемок «Печек-лавочек», он не поспешил, дождался павильонов на «Мосфильме». Приехал, представился и получил добро режиссера на фотосъемку во время киносъемки. Все было нормально — и режиссер, и его творческий процесс. Серия гневашевских фотографий прошла тогда по «средствам массовой информации», но поскольку режиссер держался с фотографом «на расстоянии», то и снимки получились «с расстояния». Ясно было,

что Шукшин сменил тактику — он работал, сжав зубы, без истерик, волки, надрыва; это был человек, который то, что хочет сказать, скажет, несмотря ни на что.

В третий раз Гневашев приехал к нему на «Калину красную», в Белозерск Вологодской области. Жил в одном номере с Василием Беловым, которого Макарыч призвал по-дружески помочь в работе «над душой народной». Говорили очень много, пили мало, снимали еще меньше — что-то не ладилось, что-то не улавливалось, чего-то не хватало.

Однажды вечером Игорь предложил всем сходиться в местный кинотеатр на фильм «Люди и горы» — каким прокатным чудом занесло на русский Север, в глушь, эту странную армянскую картину? Люди и горы, суэта и веч-

ность, душа и холодный мрак...

Все были в восторге, что этот фильм посмотрели, а наутро Шукшин протянул Гневашеву свою книгу с автографом: «Спасибо за вчерашнее. И вообще, на память...»

«Я чуть не заплакал тогда», — говорит сейчас Игорь.

Утром же поехали всем калглом отсмаатривать «натуру» — надо было найти баньку для съемок. Нашли — на снимке справа, без трубы. Решили опробовать ее по полной программе — с веничками, пивком и водочкой. Жару нагнали такого, что Гневашев уже через десять минут отдыхивался на пенечке, а народ жажал из парной по мосткам прямо в озеро, и счастливые крики голых мужиков долетали аж до дальнего леса.

Распаренные, благостные, невесомые, все поднялись на пригорочек, и Игорь, словно предчувствуя главный снимок своей жизни, сказал, волнуясь:

— Василий Макарович, все никак не могу любимый ваш жестик подловить, уж сколько снимаю... А сегодня уезжать мне, в Москву.

— Это какой же? — улыбнулся Шукшин, шурясь на солнце.

— А этот... — держа одной рукой камеру, Гневашев другой взъерошил свои волосы.

— Надо же — и вправду... — Шукшин не позировал еще, он просто повторил жест, удивляясь, что сам его прежде не замечал, но затвор фотоаппарата уже шелкнул.

До Вечности оставался год с небольшим.

Юрий ГЕЙКО.